

УДК 339.976

Р.С. Гринберг

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
ТУРБУЛЕНТНОГО МИРА**

R. Grinberg

**MAJOR CHALLENGES
OF MODERN
TURBULENT WORLD**

В статье анализируются основные социально-экономические проблемы современного мира. Выделяются следующие особенности современной глобальной экономики: цикличность, корпоративность, возвращение государственного регулирования в экономику, возвращение к реальному сектору экономики, и др.

Ключевые слова: *глобальный мир, государство, экономика, Россия.*

The article discusses the main socio-economic problems of the modern world. There are the following features of the global economy: cyclical, corporatism, the return of government regulation in the economy, a return to the real sector of the economy, etc.

Key words: *global world, state, economy, Russia.*

Р.С. Гринберг

Доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, директор Института экономики РАН, г. Москва.
E-mail: omerpi@mail.ru

R. Grinberg

Doctor of Economics, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS, Moscow.
E-mail: omerpi@mail.ru

Современный мир становится все более и более динамичным. Изменения становятся неотъемлемой имманентной характеристикой и развиваются все чаще через кризисы. Современная Россия, как, впрочем, и на протяжении своей долгой истории, испытывает состояние имманентного кризисного перехода – такого перехода, который можно назвать сползающей тенденцией развития. Россия вообще – страна крайностей, страна манихейского мышления, т.е. россияне зачастую мыслят крайними категориями плохого и хорошего, добра и зла. Это затрудняет понимание реальной жизни и того исторического момента, в котором мы находимся, кроме того, это затрудняет достижение социального консенсуса по поводу ценностей и достаточно своеобразно идеализирует социальную реальность, понимание которой все же должно исходить из конвенционального и конструктивного образа самой социальной реальности.

Продолжая тему крайностей, мы можем сказать, что сегодня приходит отрезвление от очарования двух утопий: первая – гармония плана, вторая – гармония рынка. Как показала история, ни то, ни другое не работало так, как было описано в социально-философской и социально-экономической теории. Представляется, что все социально-экономические и социально-политические системы и теории на деле имеют временное существование, и попытки составить всеобъемлющую схему обречены историей на провал. Но та же история показала жизнестойкость демократии и одновременно краткосрочность работы иных форм политического режима.

Наблюдаемую темпоральность социально-политических и социально-экономических теорий можно теоретически представить как динамические формы воплощения некоторых мировых тенденций:

1. В историю возвращаются ценности, и они по-другому выстраивают фазы текущих и будущих кризисов, по-своему распределяя акценты социально-политических и экономических кризисов, формируя новые глокализационные и регионализационные процессы, сохраняя при этом достаточно высокую степень актуальности глобализационных тенденций. Регионализация становится своеобразной культурно-ценностной формой борьбы с глобализацией.

Для России это крайне актуально, поскольку одной из самых главных проблем России является полное отсутствие договороспособности по самым минимальным ценностям. Подобное сопротивление консенсусу грозит отставанием во многих сферах общественной жизни, инициированным как внутренней, так и международной политической и экономической деятельностью.

Сегодня очевидно, что необходимо создавать социально-экономические блоки, для которых будет применен тезис о минимуме политических обязательств и максимуме экономического сотрудничества.

Это позволит консолидировать на экономической основе в том числе и культурные ценности, т.е. позволит найти точки соприкосновения ценностей, благодаря их участию в производственных процессах. Поэтому проблема глобального управления экономикой большой деревни, в которую за исключением Северной Кореи и Кубы, входит весь мир, не только не исчезает, но и в современном мире становится наиболее актуальной. Императив необходимости общего регулятора глобальной экономики очевиден, но одновременно очевидна полная невозможность его создания, поскольку национальные центростремительные силы чрезмерно сильны даже в Европе. Так, в Европе члены национальных парламентов намного важнее, чем члены Европарламента. Но жизнь настойчиво требует наднационального регулятора.

2. Возвращаются циклы, устойчивость и периодичность которых зависят от огромного количества факторов, временное и пространственное равновесие которых связано в том числе и с ценностями. Некоторые теоретики говорят, что еще Карл Маркс открыл закономерности, когда хозяйство растет циклически и подъемы, спады меняются местами. Можно было бы твердо с ним согласиться, если бы мы всегда знали, что некоторое заданное количество лет будет подъем и некоторое заданное количество лет спад, то тогда легко просчитать все возможные последствия.

Несмотря на глобальный характер современных социально-экономических циклов, для каждой страны он складывается по-разному, по сути являясь многослойным циклом развития. Проблема зависимости или независимости от мировой конъюнктуры, от неблагоприятного развития мировой конъюнктуры очень важна для такой страны, как Россия, потому что, с одной стороны, она – великая держава с мощными традициями в науке, образовании и культуре, а с другой – страна с очень примитивной экономикой. За 20 лет реформ экономика России практически не продвинулась, мы не смогли ее диверсифицировать, и поэтому во многом зависим от топливно-сырьевых товаров. Именно поэтому так актуальны инновационное развитие или диверсификация экономики, предполагающие серьезную структурную политику. Для реализации поставленных задач надо выявить приоритеты и попытаться развивать производство готовой продукции. Если это не получится, то тогда мы будем вынуждены все время страдать от любых, даже самых незначительных, изменений, которые происходят на мировых рынках топлива и сырья.

При этом в трансформационный период в России можно было сделать меньше ошибок, и мы полагаем, что мы все стали жертвами неоллиберальной догмы, поскольку реформы начались в тот момент, когда в мире началась мода на отрицание государства. И мне кажется, примитивная структура экономики, которая у нас сложилась за годы реформ, является

результатом такого подхода. Сегодня положение меняется, и необходимо действовать быстро и решительно.

Такое впечатление, что в обществе меняется настроение в сторону радикальных изменений, но не очень понятно, кто их будет делать. Судя по всему, при отсутствии состязательности в политической системе остается надеяться на здравый смысл правительства.

В России ускоренными требованиями идет деградации индустрии и социальной сферы. Идет концентрация усилий только на проектах, которые можно проследить, в то время как рутинные работы по дорогам, структурной политике заходят в тупик. Но именно эти работы обеспечивают стратегическое социально-экономическое и социально-политическое развитие. Парадоксальное положение состоит в том, что власть не верит в возможность этого, поскольку постоянно идет разговор о финансовом контроле над выдаваемыми средствами. Хотя в последнее время появились механизмы финансирования серьезных проектов, и это обнадеживает.

3. На мировую социально-политическую и социально-экономическую сцену снова возвращаются корпорации, за которыми стоят процессы концентрации и централизации капитала. Это несет за собой реальную опасность подавления активности малого и среднего бизнеса, последствием чего станет недостаточное развитие среднего класса и, как следствие, стабильности общества.

4. С окончанием эпохи неолиберализма возрастает роль государства. Возвращение государства в экономику – это самый чувствительный момент всего, что происходит в социально-экономической сфере. Рыночный механизм не справляется с регуляцией. Надежды на саморегуляцию рыночной экономики и на ее способность к трансформации в социальную экономику в конце XX в. не оправдались. Государство перестает играть исключительно политическую роль, как того требовал неолиберализм, и становится самым мощным рыночным игроком. Но при этом чиновники приватизируют государственные функции, человек определяется в конъюмеристских терминах. Это ведет к тому, что исчезают граждане и появляются подданные. Это становится одной из серьезнейших проблем для судеб социал-демократии: как обуздать интересы чиновников.

Если учитывать фактическую политическую гегемонию США, т.е. фактический однополярный мир, который на деле сохраняется, несмотря на попытки ее восполнения, то в глобальном масштабе повторяется та же ситуация по отношению к отдельным странам. И сегодня становится ясно, что, несмотря ни на какие действия и усилия, мир приговорен к еще достаточно долговременному существованию однополярности.

Многополярный мир, кроме устранения гегемонизма одного государства на политической и экономической аренах, несет с собой еще и эмерджентную составляющую. Так, мы можем утверждать, что СССР в

бытность свою мощной мировой державой по меньшей мере обеспечил мир следующими позитивными структурными сдвигами: социализацией капитализма; созданием промышленных основ Китая; ускорением краха колониальной системы; созданием цивилизованной жизни для Центральной Азии. Этим список не ограничивается, но становится ясно, что многополярность мира вскрывает сложные и подчас революционные сдвиги в мире, достижение которых эволюционным путем потребовало бы намного больше времени и ресурсов.

5. Еще один вызов – это возвращение в свою силу политэкономии как науки об экономических интересах. Общий тренд в социально-гуманитарных науках к синтезу методов и предметов изучения на самом деле является отражением реально сложившейся ситуации смещения экономической, политической, культурной и социальной сфер общества.

6. Возвращение к реальному сектору экономики как реакция на чрезмерную финансиализацию. Современная экономика фиксируется как расцвет нематериальной экономики и экономики знания. Но современная тенденция развития реального сектора экономики четко указывает вектор этого развития: мир поворачиваем назад к индустриализму, поскольку увеличивающееся население мира нуждается в реальном секторе экономики. При этом существуют две страны, которые могут весь мир обеспечить товарами: Китай, который производит товары потребительского спроса, и Германия, которая производит машины, станки, и т.п. Индустриальная ориентированность этих двух стран не означает, что они игнорируют экономику знаний, но, тем не менее, на первом месте у них промышленность. И именно реальный сектор экономики является действительной основой национальной экономики этих стран.

Выход из сложившейся общей социально-экономической ситуации – в движении к подлинной социальной рыночной экономике, где свобода и справедливость не исключают, а дополняют друг друга. Отсюда следует, что чуть ли не весь мировой социум нуждается в ответственной альтернативной игре, уравнивающей современную финансовую олигархию. И здесь, по-видимому, нет альтернативы обновленному варианту *социального либерализма*, правившего бал в 1950–1970-е гг., и действиям по преодолению кризиса демократии, к которому как раз и привело господство квази-религиозной идеи свободного рынка. Но в отличие от социализма или кейнсианства эта идея замешана на жестком личном интересе ее носителей, и без сопротивления она не отречется от порочной элитарности, обеспечившей беспрецедентное в новейшей истории обогащение меньшинства.

В России дело осложняется еще и проблемой, которую можно выразить в кратком вопросе: может ли ядерная держава жить без собственного машиностроения? Ответ очевиден: не может. И некоторыми из этих двух посылок зачастую делается очень «простой» вывод – надо кому-то

сдать ядерное оружие. При всей дикости такого предложения в нем есть доля здравого смысла, который заключается в очень ясной альтернативе: либо страна возрождает свой научно-технический потенциал, либо поддержку вооружения, направленную на обеспечение обороноспособности страны, придется осуществлять за счет закупок иностранного оборудования. Но это уже граничит с абсурдом.

В практическом плане напрашивается следующий план действий: мы должны провести инвентаризацию всего оставшегося научно-технического потенциала и разделить его на три части: 1) еще что-то конкурентоспособное; 2) сохранение производства готовых изделий по исключительно социальным мотивам; 3) поддержка производства оборонного сектора независимо от его конкурентоспособности с ориентацией на повышение обороноспособности.

При этом, если говорить о России, необходимо отметить, что по индустриальному ландшафту время уже не ждет. Если говорить о трех самых важных проблемах России, то кратко и концептуально их можно представить так: структурный провал, который требует немедленного и оперативного решения; социальный провал, который может служить своеобразным индикатором готовности населения к активным действиям, и сегодня еще есть возможность исправить положение, поскольку в социальной сфере наблюдается достаточно сильная социальная пассивность. Третьей проблемой являются необходимость и неизбежность институциональных преобразований.

Все вышесказанное лишней раз подтверждает, что зачастую в риторике мы хотим модернизировать экономику, и либералы, государственники и прагматические либералы создают множество теорий и подходов. Но задача представляется крайне тяжелой, что усиливается страхом повторения ошибок 90-х гг., тем более что реформы действительно имели положительный результат в Польше, Венгрии, поскольку это были именно реформы, а не прямое разрушение государства.

И все же еще остается надежда исправить ситуацию правовым способом. Необходимо поощрять международное сотрудничество между организациями гражданского общества, правозащитными группами и другими неправительственными организациями, поддерживающими перемены.

Сегодня мы наблюдаем по всему миру некоторое отрезвление от 20-летней эйфории финансового капитализма. И все больше появляется публикаций о том, что мы должны преодолеть примитивизацию жизни, примитивизацию культуры. Это не только российская специфика. Здесь важна роль по-настоящему гуманитарного образования. Причем гуманитарного во всех смыслах этого понятия. И похоже, что востребованность гуманитарного знания сегодня растет. Ясно, что не может быть уже того, что было.

В начале 1990-х гг. на этот счет имелись большие иллюзии. Казалось, что мы начинаем системную трансформацию, великий переход к свободе. Когда критиковалось то негативное, что имелось в Советском Союзе, как-то игнорировался тот факт, что в нем были созданы важные вещи, которые весь мир тогда принимал и сейчас вспоминает и говорит об этом. Это наука, культура, образование, здравоохранение. Но тогда казалось, что все это останется, никуда не денется, а просто к нему добавятся прелести рынка и демократии. Это была большая иллюзия. Мы стали жить в век, когда все решают деньги. И оказалось, что то, что не приносит быстрых денег, в общем-то не должно существовать. И поэтому одной из основных проблем современной России, которая как ипостась социальности проникает во все структуры общественной жизни, является проблема интеллектуального капитала, поскольку его качественное и количественное состояние на самом деле определяет будущее всей экономики. В России стоит такая задача – либо мы выйдем из кризиса, либо восстановим ту же сырьевую модель, что и была, и тогда мы станем объектами, а не субъектами жизни. Допустить это нельзя, тем более что в нашем обществе все же остались такие островки роста, своеобразные бастионы сопротивления культурному и интеллектуальному одичанию.

Примечания

1. *Гринберг Р.С.* Россия в турбулентном мире: вызовы и императивы: материалы к актовой лекции в Международном университете: сб. ст. Москва, 25 сентября 2012 г. М.: ИД Междунар. ун-та в Москве, 2012. 68 с.
2. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Инфра-М, Магистр, 2012. 416 с.
3. *Гринберг Р.С.* Если вы не участвуете в политике, то вы заслуживаете той экономики, которая есть // Известия. 2012. 2 февр.